

БЗИК.

Действующие лица:

Миша

Сергей

Марина

Длинный

Мать

Отец

Сцена 1

Миша: Не люблю опаздывать. Выехал в самый-самый притык и как раз-то этого притыка мне и не хватило. Так что извините, что заставил ждать. Если кто-то хочет записывать, то он может включить диктофон. Потому что я рассказываю же для того... с надеждой на то, что мой опыт выздоровления кому-то поможет, если не прямо сейчас, то может потом, когда-нибудь... Буду верить в то, что поможет. Меня зовут Миша, и я наркоман...выздоровливающий наркоман. Спикерить мне всегда очень волнительно... Потому что я же лучше... Мне же нужно рассказать лучше всех, я же никак не могу расстаться с мыслью, что я просто бесконечно особенный. Что вот мой опыт, он-то точно не просто так мне дан был, что я вот его должен нести людям, чтобы он им помогал. Понимаю же все равно, что не всегда могу соответствовать такому вот... Но это, конечно, мой головняк... Вчера вот готовился немного, думал о том, что буду сегодня говорить, и как то щелкнуло так, что типа хоть в доску расшибись, а о болезни невозможно рассказать ни лучше, ни хуже. Потому что, чтобы я ни говорил, это вроде-как симптомы, которые почти у всех нас одинаковые... Будь то отношения в семье, детство, разочарования в любви, неуверенность в себе и прочее... У каждого это конечно связано с глубокими личными переживаниями, но в конечном счете, это только условности, от которых лично я никак не могу отказаться, которыми я дорожу, потому что они хоть как-то объясняют мне мою болезнь. Потому что, если у болезни нет никакого, хоть намек на причину снаружи... то в этой болезни нет для меня... смысла что ли. Чего-то типа поучительного. Есть же вроде как мораль у рака: не кури и все такое; и у СПИДа есть: не будь гомиком или проституткой. И у язвы желудка и у ангины, у всего есть какие-то причины. А с причинами моей болезни мне тяжело разобраться. Потому что я продолжаю ей болеть, оставаясь чистым. Болезнь никуда не ушла, она со мной постоянно со мной. Я могу долго рассказывать о своем употреблении, там было бы над чем поржать вообще. Но сегодня я хочу поговорить о срыве, почти состоявшемся срыве, и о болезни конечно тоже.

Жена была на девятом месяце уже. И настроение такое стремное. Мы постоянно делали УЗИ и ждали здорового ребенка. Но я то знаю, что и у здоровых людей...ну у тех, кто никогда ничего не употреблял в таких количествах, как я....рождаются дауны, или с церебральным параличом, или еще какие. И время подходит. Я вообще весь в комок сжатый. Жду уже от жизни подлости какой-нибудь. А тут еще и мой спонсор сорвался. Дальше мысли об одном только: нужно попуститьсь,

иначе взорвусь просто. Останавливало только мысль о том, что если я сейчас вмажусь, а ребенок больным родится, то я вообще себе никогда не прощу. Не то что бы от этого напрямую что-то зависело. Боялся, просто, что потеряю расположение той силы, которая меня ведет, с тех пор как я соскочил. Жена все не рожала. Ее в больницу положили, предложили стимулировать роды, она отказалась. Так прошла еще неделя. На группу я не ходил.. после работы сразу к ней. От нее домой. Приготовления все эти. То кровать собрать, то коляску забрать, времени вообще не было. И страшно постоянно. Вообще постоянно, ни на минуту не попускает. Стал даже бегать по вечерам, чтобы заснуть было проще. Еду к ней как-то, звонит, говорит: «Не едь пока. Наверное, сегодня рожу». Вернулся домой. Дома вообще стремно, и тесно очень, вещи детские повсюду. Приходит сообщение через часа два где-то: «Родила. Буду спать». Перезваниваю- недоступна. Ништяк, да? И ни слова о ребенке! Раз ни слова, значит, понятно все, даже говорить не хочет. Я в машину и в больницу. К ней не пустили, сказали, что спит, а дочка здорова, рост, вес...ну и реагирует на все. Здорова. Опало все внутри. Обмяк. Почти что счастлив. Чего-то только не хватает для полноты ощущений, завершенности какой-то нет. Я даже не заметил, как на свой старый район заехал. А болезнь еще лучше знает-- в бардачке и деньги оказались. Все. Сейчас. Я же независимый уже, вообще. Мне хотелось, а я не вмазался, уже могу управлять этим, мне сегодня просто нужно, я заслужил, а пока их выпишут, даже канал исчезнет. Выхожу из машины и понимаю, что в шортах, кроссовках и майке, все вены видно. Понимаю, что мне и не продаст никто, если в своем уме, подумают или мент, или журналист какой-нибудь дебилый с каналом на youtube. Беспонт даже ближе подходить. Я поехал к Длинному, хотел, чтобы он купил. В том, что он все еще употребляет, я был уверен. Вы бы знали, как я ему раньше завидовал. Мы, хоть употребляют и вместе начинали, но он никогда не офигевал так, как я. Мне всегда только захотеть нужно было, еще в голове только захотеть и все, я уже в отрыве жестком. А у Длинного была какая-то интеллигентность, что ли, в отношениях с наркотиками. Раньше я думал, что вот он-то умеет держать все под контролем, что нужно только научиться так, как он и вообще можно не париться о том, чтобы бросать. Вот я уже у него, а ему херово вообще, вижу, прямо, как его крутит. И тут меня как понесло. Как стал я ему про трезвость чесать. Про дочку, работу, про то как меня по чистоте прет, короче, какое это счастье быть трезвым и все такое, что ему, мол, сложно осознать свои проблемы, потому что у него вроде как еще и нормально все... Еще с работы не выгнали, еще печень работает, и все в таком духе. Говорю, короче, что б вообще в нем на самое больное надавить. Мне очень хотелось тогда, чтобы он мне завидовал, как я ему раньше. А все почему? Потому что я же лучше, я же чистый, а он никто вообще... Живая болезнь, короче. Я не знаю, что он думал тогда, короче, и понял ли зачем я приходил... Да понял конечно, чего тут непонятного. Только я и не заикнулся даже о том, что вмазаться хотел. Меня вот так не здорово проперло от того, что ему херово было. Нездорово проперло, зато не вмазался, чудом просто... Меня может уже и в живых не было, если бы тогда на Длинном не отыгрался. Я к чему это все говорю, короче. Что вот болезнь, она во мне, даже если я совсем чистый и ничего не употребляю. Что если пытаться с ней справиться, то не всегда получится поступать «правильно». Я не розовый и пушистый... И меня таким сделал не наркотик. Я таким был, поэтому мне наркотик и был нужен. И если вот никак не выражать свои настоящие эмоции, да... То начинается просто повторение моего детства, когда мне говорили, что чувствовать и как себя вести. Я плохой, я могу испытывать радость, от зависти другого человека, я признал это. То, что я это понял, помогло мне тогда, и до сих пор, бывает, помогает. Я не злорадствую над своими старыми друзьями, я не пинаю ногами калек, но иногда бывают такие моменты, когда я должен разрешить себе быть тем, кто я есть, а уже потом разбираться, что с этим делать. У меня все, наверное. Вот такая короткая история. Меня зовут Миша и я выздоравливающий наркоман. Спасибо.

Сцена 2.

На диване сидит Марина. В ее руках телефон, которому она посвящена без остатка. Что-то листает. Что-то читает. Нервничает, когда телефон виснет. Входит Сергей.

Сергей: Ты в душ пойдешь?

Марина: Я же перед тобой ходила. Не помнишь уже ничего.

Сергей: Мне все, что ты делаешь запоминать?

Марина: (глядя в телефон) Жеесть!

Сергей: Хуля ты гонишь, что не так?

Марина: Да я не гоню, прочитала просто. Прикинь, тут короче врачи, ну не врачи, а не знаю как правильно, не те, кто лечат, а те, кто реанимируют, короче. Заморочились и последние слова людей записывали, тех, которых не спасли. Они, наверное, всех записывали... Но тут типа слова тех, кого не спасли. И один мужик знаешь, что сказал? Он шахтером был. Говорит: «Уберите каретор, залупу жжет». Жесть, да?

Сергей: Ага, наверное. Или это с подвохом вопрос?

Марина: С каким подвохом?! Просто перепутал все, не каретор, а катетер, и последние слова такие.

Сергей: Залупу же не перепутал.

Марина: И что, не жесть?

Сергей: Когда человек умирает, ему не катетер вставляют, а кислород дают, или током бьют, или дыхание искусственное. Фигня короче.

Марина: С тобой вообще уже говорить не интересно.

Сергей: Про залупу?

Марина: Просто, вообще, про что хочешь не интересно

Сергей: А ты про залупу хочешь?

Марина: Я про что-нибудь, не важно, вообще, про что

Сергей: Ясно

Марина: Говорю, что не интересно и все

Сергей: А музла помрачнее не было, что б зубы сразу закрипели?

Марина: Я любое включила, выключи, если хочешь, мне без разницы.

Сергей: А чего ты кричишь?

Марина: Не знаю. Правда, кричу, да? Жесть...

Сергей меняет музыку.

Марина: Это не мрачное?

Сергей: Нормальное музло.

Марина : (пауза) Ну да, может, и нормальное.

Сергей: Как ты говорила?

Марина откладывает телефон в сторону.

Марина: Что?

Сергей: Залупу жжет.

Марина: Каретер, ага, каретер, прикинь

Сергей: Да, не... Прикольно, конечно. А от чего умер? Взорвалось в шахте что, или что?

Марина: Написано только то, что он сказал. Остальное не важно, наверное.

Сергей: ... Ебанешься так, что важно, а что нет.

Марина: В том то и жесть вся, прикинь. А что сегодня как?

Сергей: Ты телефон мой не видела?

Марина: Он есть еще?

Сергей: Что, нет?

Марина: На подоконнике лежит.

Сергей берет телефон, набирает номер.

Сергей: Ты едешь уже? Далеко где? Зайди поесть купи чего. Не знаю. Биг Бон купи, сосисок пару, майонеза, ага и фанты апельсиновой холодной.

Марина: И мороженое еще

Сергей: Слышишь, и мороженого купи. Не знаю, любого, каштан или...

Марина: Семейное пусть купит.

Сергей: Семейное купи, кирпичом которое. Целый конечно, его что режут? Давай.

Сергей кладет трубку.

Марина: Прикольно да. И чего его не режут. Пол хлеба или колбасы кусок, пожалуйста, или арбуза половину. А пол банана или мороженого нифига. В чем фишка тогда?

Сергей: Не знаю, гости или еще какая фигня.

Марина: Арбуз так просто лежит, по нему мухи могут ползать, а мороженое в холодильнике, там мух нет.

Сергей: Что вы доебались до меня, я что ли так придумал?!

Марина: Интересно просто.

Сергей: Сигареты есть?

Марина: Когда они были. Так, а сегодня что? Пойдем куда, или что?

Сергей: Длинный придет, подумаем.

Марина: Вы не думали?

Сергей: Когда мы думали, мы же не виделись еще.

Марина: Чего он идет тогда?

Сергей: Пожрать несет.

Марина: Он же все равно уже шел.

Сергей: Так, а что ему делать, дома сидеть?

Марина: Мы, вот, дома сидим.

Сергей: Ну, мы его ждем, чтобы придумать, что делать, и вообще как.

Марина: Ты же работу собирался искать.

Сергей: Сегодня, бля, что ли?

Марина: Время же есть пока.

Сергей: Я отправил...это... резюме на сайт какой-то. Теперь ждать нужно. Все... что? Посмотрю потом.

Марина: Чего не сейчас?

Сергей: Ну, написали мне, и что мне, идти сейчас? Среда же. В понедельник бы и пошел.

Марина: Ты думаешь, тебя там на куски разрывают по твоему резюме?

Сергей: Тем более: чего эту почту проверять! Беситься, чтобы?

Марина: Чего ты заводишься вообще?

Сергей: Ты гонишь просто с утра с самого. То музло это мрачное, то не прикольный я, то работа эта сраная!

Марина: Да пофигу мне! И не гоню я ничего.

Сергей: И мне пофигу! У меня нормально все. А если тебе сегодня работа нужна, то сама ее и ищи!

Марина: Тебя попускает просто.

Сергей: Ясно, блядь, попускает, а ты типа леди Марпул или что?

Марина: Все, проехали.

Сергей: В следующий раз не начинай просто. Нормально же все! Нахер, я не пойму, чернуху гнать с утра с самого.

Марина: Что нормально?

Сергей: Ты опять?

Раздается звонок в дверь. Сергей идет к двери, на полпути останавливается, достает телефон, набирает номер. За дверью раздается звонок.

Длинный: (из-за двери) Я это, параноики херовы

Сергей открывает дверь. Входит Длинный, и протягивает пакет Сергею.

Сергей: (Марине) Иди, хоть макароны эти водой залей.

Марина нехотя встает, забирает пакет и уходит на кухню.

Сергей: Просто, бабка эта... Уже сто раз сказал, что денег пока нет, что потом отдам. А она все ходит и ходит. Куда в нее эти баксы лезут? Другие, вон, на пенсию живут и щеки розовые.

Длинный: Не парь. Хер с ней. Мне только сейчас отдай, бабла совсем нет.

Сергей: Так и у меня совсем нет. Давай завтра отдам.

Длинный: Давай. Только завтра точно. Ладно? На жетоны даже нет. А что у вас музло такое мрачное?

Сергей: Я не знаю, я так просто, для фона включил.

Длинный: Я поменяю?

Сергей: Меняй, я же говорю, мне без разницы.

Длинный пытается сесть за стол-книгу, на котором стоит ноутбук. Никак не может удобно разместить, ноги.

Длинный: Удобно, ага. Это вы вообще ништяк придумали.

Марина: (из кухни) Сосиски варить?

Сергей: (Марине) Водой залей горячей, нахер их варить! (Длинному) А есть что? У тебя же оставалось еще?

Длинный: Что?

Сергей: Дудка, что.

Длинный: Дудка оставалась.

Сергей: Оставалась, так давай покурим.

Входит Марина с мороженым на тарелке.

Марина: Иди ешь.

Сергей : Остынет пусть.

Длинный: Есть банка какая?

Сергей: Вон на подоконнике.

Длинный берет с подоконника трубку, забывает, протягивает ее Марине. Марина курит.

Длинный: Прикиньте, в кино вчера попал...

Сергей: (перебивает) да лааадно...

Марина довольно хмыкает, нехотя выпуская дым из легких, зажимает двумя пальцами нос.

Длинный: Пришел, короче, а там кино про глухонемых, прикиньте. И в зале, по ходу только я нормальный. А остальные глухие, немые или хер их пойми, не удивился бы, если бы там и слепые были. Пасите (протягивает открытую ладонь), только вспоминать об этом начал и ладошки сразу вспотели.

Марина: А мы в кино уже сто лет не ходим.

Длинный: В жопу такое кино!

Сергей: Ты не знал, куда шел что ли?

Длинный: Неа. Выход такой жесткий был, я накурился, пива взял, думаю, в кино давно не был. Там по названию еще вроде как про природу дикую, типа, про старину, или что...

Сергей: А мы вчера...

Марина: (перебивает) Не перебивай!

Сергей: Блядь.

Длинный: Мне еще в фойе этом бетонном стремно стало. Все такие жуткие и кривляются постоянно. А мне не до смеха. Думаю, лишнего дунул, или выход такой. Я пожрать купил и в зал.

Марина отдает трубку Длинному. Длинный забывает, продолжая говорить, и протягивает трубку Сергею. Сергей курит.

Длинный: Сел, короче, и понимаю, что или меня так кроет на старые дрожжи, или все, попал. Но если кроет, то потом вообще нормально оттянусь, кино же еще про природу дикую, думаю.

Сергей закашлялся. Выкашлял весь дым и тут же затянулся снова.

Длинный: Начинается кино, и я понимаю, что не штырит меня, а все как в аду, верняк, как в аду. Все глухонемые, кино про глухонемых и на экране не одного человеческого слова.

Марина: Аааа, вот жесьть же!

Длинный: Они же не слышат ничего. Они хыкают, хакают, ногами топают... кто мычит что-то, кто чипсами шелестит.

Сергей: (протягивая трубку) Сыпни еще немного.

Длинный забивает. Сергей курит.

Длинный: Они, типа, думают...ну, короче, они же не знают... не понимают...никогда не чувствовали шума от других людей. Они как бы и не со зла все эти адские звуки издают

Сергей: (Затаив дыхание) Все, кажется.

Длинный забивает себе.

Длинный: И в самом фильме звук такой коцанный. Цык, чик, шик, щик... Такой звук словами вообще передать невозможно. Сижу, такой, с ума схожу. То потею, то холодно, сердце колотится, срать хочется, и дышать нечем, пиздец ,вообще короче.

Сергей: Чего не ушел тогда?

Длинный: Во-первых, я бабло заплатил. А во вторых, это кажись почетче аргумент, я просто не знал, как к ним обратится в темноте, они же не слышат. Если бы я на их языке что-нибудь знал, я бы скорую себе в тот момент вызвал.

Марина: Вот это жесть вообще ситуация.

Сергей: Ай, сам туда пришел, никто же не тянул.

Длинный: Да я даже не про то сказать хотел, что туда пошел или остался. Я про то, что принято так ... И у меня в голове так, и детям своим я так в голову вобью, раз у меня так. Как бы принято так... Моралью так определено, что над больными, ну, глухонемыми этими, смеяться нельзя, да? И злиться на них за это нельзя. Ты же не злишься на безрукого, за то, что он по человечески дверь открыть не может, а с выебоном непонятным ее открывает?

Сергей: Вообще-то на безрукого, наверное, да. Не станешь злиться.

Марина : Если он не просит тебя струк ему подержать, когда он сцать захочет...

Длинный: А они.. Им похер все. Они к тебе хорошо заведомо не относятся. Я сижу там, смотрю про них кино, сострадать типа пытаюсь. А они жрут, шелестят чем только можно, руками машут, мычат. Звуки такие от них, короче, животные. И бля... Фильм этот еще такой... Чернее фильма я не видел. Он как будто и есть про эту их ненависть, которую они всем своим поведением источают... Такую ненависть...как бы это сказать... к больным, к здоровым, детям, старикам, не важно... ко всем, короче, кто не они. Они типа как расисты, врубаешь?

Длинный курит.

Сергей: Ты тоже рассуждаешь так... Ты на выходе, попадаешь в херню такую, ясно, что приятного мало. Но они же люди тоже. Живут так. Ты сам так пожить попробуй. Не музла послушать, ни песню спеть, сигарет в ларьке купить проблема. Гониво, короче.

Длинный все еще задерживает дыхание, хотя его лицо уже почти что стало синим.

Марина: Вот у меня...

Сергей: (Длинному) Ты, когда куришь, вообще не дышать можешь?

Длинный утвердительно кивает головой, затем выдыхает.

Марина: У меня сосед такой в детстве был. Жесть просто. Весь такой... зимой и летом в косухе, бандана на голове, татухи... полный фарш, короче... Сапоги еще такие как женские, только со шпорами, со шпорами, ага. А шпоры эти для того, чтобы искры по асфальту пускать. Он такой деловой весь, разгонится на мотоцикле своем, шпоры в асфальт и на искры смотрит.

У Длинного звонит телефон, он щурится на экран, пытается понять, чей это номер, сбрасывает.

Марина: На искры, а не на дорогу, я сама видела.

Телефон Длинного снова звонит, он отходит в сторону, отвечает.

Марина: Короче, он в аварию попал. Не знаю, обгорел он там или его об асфальт счесало. После этого у него уха не стало. А мы дети, нам интересно, мы и смотрим. А он, представляешь, бандану перестал носить. И вот сидишь такая, он мимо проходит, а ты на него смотришь, а он заметит и так на тебя в ответ посмотрит, что, кажется, убить тебя готов. Спрашивается, я разве виновата, что ты на искры смотрел, а не на дорогу. Или парик бы себе купил, чтобы видно не было. И их же...

Длинный: (перебивает) Виталик умер.

Марина: Таких много, не он...

Сергей: Что?

Длинный: В подъезде в форточку выпрыгнул.

Марина: Вот это жесть!

Сергей: (после паузы) И что делать теперь?

Марина зачем-то встает, а потом снова садится на диван. Длинный докуривает то, что осталось в трубке.

Долгая пауза.

Сергей: И что делать теперь?

Марина: А с какого этажа не сказали?

Сергей: Хоть, блядь, с неба с самого! Какая разница, если мертвый!

Длинный: Вот же...

Сергей: Сидел бы как сидел... Мозги себе вынес этой легалкой...

Марина: Может, он захотел просто.

Сергей: Как так можно захотеть, если ты мозги себе не выжег?! Живи, жизни радуйся!

Марина: Устал?

Сергей: Да, еб твою мать! Ляг отдохни, если устал!

Длинный: И вы ему не звонили вчера?

Сергей: Так он вчера?... И что делать теперь?

Длинный: Идти надо, хули делать.

Сергей: На похороны? (пауза) Я не могу. Мы не планировали, я же не знал.

Марина: Ты гонишь? Никто же не знал.

Сергей: Куда мы с такими болтами? Нахер, чтобы все пялили, как нас трясет там.

Марина: Тебя трясет.

Сергей: Меня, так меня, все равно, нафига так палиться?

Марина: Типа не знает никто?!

Сергей: Я что, хожу всем рассказываю? (Длинному) Скажи ты ей, что нам там делать нечего.

Длинный: (после паузы) Я пойду.

Марина: Видишь, он пойдет. Потому что человек нормальный. И друг вообще.

Сергей: Он пойдет, потому что перекумарил немного. А мне и без похорон хуево, да я ебанусь там просто.

Длинный выходит из комнаты.

Сергей: Ты уходишь уже?

Длинный: Умоюсь.

Сергей выходит на балкон, роется в пепельнице, достает окурок, курит.

Марина подходит к столу, отсыпает немного содержимого из пакетика Длинного на бумажку, сворачивает ее, кладет в карман. Снова садится на диван.

Марина: А что, если мы все скоро тоже...

Сергей: Заткнись ты уже! Хватит, все.

Возвращается Длинный.

Длинный: Не хотелось бы.

Марина: Тебя, вот, что держит?

Длинный: Не знаю. Я жить люблю. Мне нравится.

Марина: А если все кайфы отобрать?

Длинный: Иногда, кажется, что лучше бы и отобрали, как будто не было ничего.

Сергей: И что бы ты делал? Дом бы строил, дерево растил?

Длинный: Может и дом и дерево или переехал бы куда, не знаю... что угодно вообще.

Сергей: В танки бы сидел шпился.

Длинный: Хоть бы и в танки! Хули ты бычишь! Мы же на самом деле уже все-нихуя не надо. Могли бы играть, так у тебя даже гитары уже нет.

Сергей: Ты же знаешь, что я просто лучше гитару присматриваю.

Марина: Деньги тогда чего слил?

Сергей: Мы слили, если бы не ты, то и не слили бы. (Длинному, после паузы) Ты же понимаешь, что это временно, что это просто трип такой.

Длинный: Не знаю. Я не играю и мне нормально уже.

Сергей: Ты что, серьезно?

Длинный: Серьезно.

Марина замечает недоеденное мороженое, ест его с большим аппетитом.

Длинный: И не то время как-то... не вовремя короче...базар этот, и не хочу сейчас. Идти нужно.

Длинный забирает пакет со стола, направляется к двери.

Сергей: Ну ему же лучше уже не станет... Если типа я приду?

Длинный: Смотри сам.

Сергей: Слышь, сыпни немного, пока найду чего, сам понимаешь.

Длинный отсыпает.

Сергей: Скажи, что заболел, ангина там, или еще что

Длинный: Ты, блядь, школу сачкуешь, или что?!

Сергей: Если спросит кто, ты скажи там, что с работы, мол, не отпустили, что соболезную там, и все такое.

Длинный: Как скажешь.

Длинный и Сергей жмут друг другу руки. Длинный уходит.

Марина отставляет в сторону мороженое.

Сергей: Думаешь, никто и не спросит?

Марина: Они с тобой повидаться, что ли придут?

Сергей: Ну, не со мной, но вообще... Мы же друзья с Виталиком.

Марина: Друзья с ним там сегодня будут.

Сергей: Вы сговорились, меня на коня сегодня садить?! Говорю же, не собирался сегодня тормозить, ты же знаешь, как это, чего выебываешься тогда? (Пауза) Или ты с Бзиком повидаться хочешь? Точняк! Вот поэтому и гонишь. Ясно все. Хочешь, дуй туда, чтобы не говорила потом, что из-за меня не пошла! Иди, с Бзиком потусуйся.

Марина: Ты больной? При чем тут Бзик?

Сергей: Потому что потереться с ним где-нибудь хочешь.

Марина: Ты реально ебанутый. Виталья умер, а ты ревнуешь, или что? Это край вообще, ты понимаешь?

Сергей: (после паузы) Просто хули вы с этими похоронами приебались? Что там ловить? Кому от этого вообще легче станет? Там же жесьь одна.

Марина: Жесьь, да, но он друг же...

Сергей: И брат Бзика, да?

Марина: (встает) Так, все...

Сергей: Что все?

Марина: Ты просто все уже...не понимаешь... Ты думаешь, что только ты есть и жесьь твоя всякая...а остальные так... Только тебе одному стремно? Длинному, вон, тоже стремно, и ничего, пошел...

Сергей: А ты?

Марина: А я, я что, одна пойду?

Сергей: Почему одна? С Бзиком там пошоркаешься.

Марина: С тобой говорить жесьь вообще!

Марина идет на кухню, Сергей ее догоняет и обнимает.

Сергей: Подожди. Да ладно тебе, не обижайся. Мне просто стремно, как-то, сегодня. Давай не пойдем...ну ...на похороны. Завтра ходим, или потом когда.

Марина: Давай не пойдем. (пауза) А что делать будем?

Сергей: Давай сегодня еще, а потом все...подвяжем немного.

Марина: Денег же нет.

Сергей: Можно миди-клаву его заложить.

Марина: Виталика?

Сергей: Чью еще? Что ты так смотришь? Я заберу потом, как деньги будут.

Марина: Да, надо будет забрать, это же типа память и все такое...

Сергей: На следующей неделе, или еще там когда..

Марина: Ладно.

Сергей: Ты не злишься на меня только, что я из-за Бзика так. Сама понимаешь, ты же до меня с ним была и все такое.

Марина: Мы же расстались давно.

Сергей: Мало ли... может, ты его любишь еще.

Марина: Жесть, ты про меня все время так думал?

Сергей: Что? Что Бзика любишь?

Марина: Да.

Сергей: С чего мне все время одно и то же думать?

Марина: Ай, иди ты в жопу!

Сергей: Так любишь, что ли?

Марина: Ага, тебя.

Сергей: Я серьезно.

Марина: И я серьезно.

Сергей: А Бзика?

Марина: Что ты заладил?! Мы же с тобой вместе, что еще?

Сергей: Не заводись ты, и так трясет. И идти уже надо.

Марина: Покурим еще?

Сергей: Давай, тут понты все равно. Пожадничал что-то Длинный.

Курят по очереди.

Сергей: Еще с Виталиком фигня такая... Последнее время, вообще, что-то не так все валит...

Марина: Есть такое. И понимаешь, что жесть такая, а что делать, вообще не понятно.

Долгая пауза.

Марина: Нет, оно-то понятно, иногда, когда херово... Типа, что жить по-другому нужно. А когда не херово, то ты же понимаешь, что по-другому совсем не то будет... скучно, уныло... Встретила одноклассницу недавно. Она жирная, потом воняет, тупая до безобразия... Зато муж и двое детей. Муж, наверняка тоже такой тупой, потому что как иначе. С Турции, говорит, прилетели, так все понравилось сильно. А спроси, что она там видела, так ничего, говорит, море холодное, к нему ходить неудобно. Вроде и завидуешь с одной стороны... а с другой понимаешь, что так не смогла бы, потому что погано так жить, жесть, а не жизнь получится.

Сергей: Если нормально вдуматься, то мы тоже по жести живем. Ей так тоже бы стремно было. Не понимает потому что, не знает, и нормально... Живет. А с Веталем фигня такая...

Марина: А главное, вроде и нормально же все... Ну он же не конченный какой-нибудь, что в подвале в пах колется. Тебя, что вставило так?

Сергей: В смысле?

Марина: Глаза краснющие, вообще жуть

Сергей: Серьезно?

Марина: Иди посмотри.

Сергей идет к зеркалу, смотрит на свое отражение, затем приближает лицо максимально близко к зеркалу, смотрит себе в глаза.

Марина: Ты, наверное, дома будь. Давай я схожу. Ну, правда, ты уже обдолбанный, видно же.

Сергей: Сильно видно, да? А я, вроде, и нормально еще. (Всматривается себе в глаза) Ну да вообще-то, может и есть что-нибудь такое, типа обдолбанный уже. Ага, есть немного. А ты нормально?

Марина: Я нормально, я же ела.

Сергей: ААА ... Я ж не поел еще!

Сергей идет на кухню, затем возвращается с Биг Боном в руках, вылавливает из контейнера кусок сосиски. Видно, что есть ему совсем не хочется.

Сергей: Холодный уже. Ты сходишь, да?

Марина: Я же сказала.

Сергей достает из шкафа миди-клавиатуру. Протягивает Марине.

Сергей: А майонеза нет?

Марина: Фанта есть. А сколько просить за нее.

Сергей: Долларов 500 проси. Так она около штуки стоит.

Марина вертит миди-клавиатуру в руках.

Марина: И за что тут тысяча? Кусок пластмассы, который в шкафу лежит. Правда, можно в Турцию сгонять.

Марина обувается. Сергей все еще нехотя жует сосиску, боясь глотать ее при Марине.

Марина: А сигареты есть?

Сергей: Когда они были

Марина: Я пошла тогда.

Сергей: Давай. Купи сигарет только потом, ладно?

Марина: Куплю, если не забуду.

Сергей: Ну, не забудь, тогда

Марина уходит. Сергей идет на кухню, слышно, как он сплевывает, и как льется из крана вода.

Сцена 3.

Миша складывает стол-книгу, стоящий посреди комнаты, стол скрипит и гроыхает. Кое-как ухватившись, одними только пальцами, за слегка выступающую крышку, Миша пытается пройти со столом в балконную дверь. Стол туда не пролазит и он несколько раз ударяется о дверной проем. На звук вбегает Отец. Отец одет в военную форму времен Советского Союза.

Отец: Стой! Ты сейчас все тут расхуяришь!

Отец забирает у Миши стол, и ставит его обратно на середину комнаты.

Миша: Он же тупо не пролазит! Как вы его выносили, вообще?

Отец: Нормально выносили! Через окно

Миша: Я догадаться должен был?

Отец: Так спроси, если туговат!

Миша: Зачем он нужен вообще, если он в дверь не пролазит?

Входит Мать.

Мать: Зачем его выносить. Все равно ведь доставать скоро.

Отец: Иди на кухню лучше!

Мать: Третий день, девятый потом... я читала, что и ковер не нужно стелить, по которому Виталик ходил, чтобы беда такая от его следов не увязалась...

Отец: (Мише) Не слушай ты ее! Стол вынесем, ковер размотаем. Что теперь, как в землянке жить?

Мать: (Мише) Ну зачем его тягать сто раз?

Отец: Будешь следы заметать по ковру прямо, что б все видели, какая ты невменяемая баба вообще! (Мише) Открывай окно давай!

Миша: Так что делать?

Мать и отец одновременно.

Отец: Окно открывай!

Мать: Пусть стоит!

Миша открывает окно. Мать недовольно хмыкает и направляется к двери.

Мать: Сейчас и окно разобьете еще, вот увидите.

Отец: Давай на подоконник закинем, потом на балконе перехватишь. Давай, не ссы. Не поцарапай только. Ну, поднимаем. Оооп. Да что ж ты килун такой! Что ты стоишь, на балкон лезь!

Миша, не задумываясь, перелезает через подоконник.

Миша: Мне теперь его одному снимать?

Отец: Подвинем сейчас, подожди. Вот. Подержи пока.

Отец открывает балконную дверь, выходит на балкон.

Миша: Нельзя было сказать: «Выйди»?

Отец: Дурак по-другому не поймет, в курсе, нет? Держишь?

Миша: Держу. Дальше что?

Видно, как за ними проходит Мать с мусорным пакетом в руках. Она открывает входную дверь, окно резко закрывается от образовавшегося сквозняка, и разбивается о стол.

Мать: Это Виталик нам говорит, что трогать не нужно было.

Отец: Припизженная, нахер ты двери открыла! Сквозняк же!

Миша: Давай перекинем уже, потом поругаетесь.

Отец: ... Хуй с ним! Пусть тут стоит. Окна все равно уже нет... Из-за одной старой пизды между прочим!

Мать: Я сразу говорила, что не нужно трогать. Чего его таскать-то туда-сюда сто раз?

Миша: Давай хоть мусор этот блядский вынесу!

Миша выходит из комнаты.

Мать: Да там и мусора то нет. Я так просто выставила, чтобы не пахло.

Миша выходит из квартиры. Мать исчезает на кухне. Отец садится на диван. Смотрит на разбитое окно, стекло на полу, на стол.

Отец: Стекло я буду убирать?

Мать: Что?

Отец: Стекло я буду убирать?

Мать: Ты разбил, ты и убирай.

Отец: Ты же говорила, что Виталя разбил.

Мать: Если бы ты не понес, то он и не разбил бы.

Отец: Твой сквозняк- ты и убирай. Лучше не зли меня.

Слышно, как некоторое время ровно течет из крана вода. Потом кран закрывается. Тишина. Отец сидит молча, смотрит в окно. Его глаза блестят, он вот-вот расплачется... или запоет. Шарканье тапочек. Входит мать, садится на диван, вытирает слезы пытаясь замаскировать это под поправление волос. Смотрит в окно.

Мать: Ты не починишь, да?

Отец: Нет.

Мать: Не починишь? У нас же стекла еще в подвале есть.

Отец: Тут штапик не прибьешь. Не нужно их менять было...

Мать: Повезло еще, что лето. Денег совсем не осталось

Отец: Я целлофаном пока заклею.

Мать: Стол этот нужно убрать.

Мать встает, идет к окну.

Отец: Да, сядь ты! Пусть пока стоит. Миша вернется- снимем. И правда, придут же...

Долгая пауза.

Мать: Отмучался. Самое глупое, что вроде и не виноват никто, и злится не на кого. У него, наверное, и сил больше не было так жить...

Отец: Ты то молишься, то причитаешь! Он же под наркотиками был. А сил у него побольше, чем у этого было! (кивает в сторону входной двери)

Мать: Мы же ему все, что могли, а он так... Зачем так? Что ему теперь...

Отец: Знаешь, как у нас было? Два пацана дембельнулись, ну, вот, завтра все, домой, к бледным пухлым девкам и мамкам. А хули, ребятня...

Мать: (пребывает) Да ты рассказывал уже, раз сто, наверное. И про пухлых девок, и про мамок...

Отец: Тогда иди ты нахуй!

Отец достает сигарету, закуривает. По-дурацки держит сигарету между большим и указательным пальцем, пряча ее в ладонь, будто укрывая от воображаемого ветра или дождя.

Мать: Не злись ты, пень старый. Я же его рожала. Это сын мой. А ты про незнакомых людей мне...

Отец: Все! Ничего я не хочу рассказывать.

Отец ищет пульт, автоматически включает телевизор, забыв, что его экран занавешен скатертью.

Мать: При жизни нормальных друзей не нашел, так видишь, хоть на кладбище Бог ему хорошее место приберег.

Отец: Место как место.

Мать: А ты соседей видел?

Отец: Ты, блядь, как ведьма себя ведешь! Какие соседи? Он умер.

Мать: Так я про могилки. Они же чьи-то. А рядом летчик- там сзади самолет нарисован. Ребенок, которому два месяца и семь дней было, я сосчитала. Знаешь, что такие дети сразу ангелами становятся. Девушка еще, почти его ровесница. И у всех цветы стоят, и трава не растет.

Отец: Тогда можно сказать, что повезло.

Мать: Кому?

Отец: Витале, кому! Днем бы позже в окно выпрыгнул, соседи бы другие попались.

Мать: Может, еще и вытолкнули, или свалился. Я в «Битву экстрасенсов» заявку подам.

Отец подходит к окну, выбрасывает окурок. Возвращается Миша с мусорным пакетом в руке.

Миша: Там мусоропровод запаен на всех этажах.

Отец: Заварен.

Мать: Закрыли мусоропровод, оттуда тараканы ползли.

Миша: Я на улице не нашел мусорку, куда его? (поднимает пакет чуть выше)

Мать: Их не найдешь, если не знаешь, положи в ведро обратно.

Отец: Заебись!

Миша идет на кухню, кладет пакет в ведро, затем возвращается в комнату, ищет место, чтобы присесть- в комнате только диван, на котором сидят его родители, он аккуратно, чтобы не зацепить стол, присаживается на подоконник.

Миша: Я не знаю что еще.

Мать: Ты что, сегодня уедешь?

Отец: Нет, блядь, останется нам помочь.

Мать: Уедет и что, пусть едет, чего ты к нему цепляешься?!

Отец: Понять хочу, просто.

Мать: Миша не слушай ты его, нам всем сейчас нелегко.

Отец: Вот, если ты научился не колоться, почему ты ему не рассказал как? Или королем себя почувствовал? Все разьебался, и ни до кого теперь дела нет! И брат и мать с отцом похую! А если бы не ты, он бы, может, и нормальный был

Миша: Что мне сделать, теперь?!

Отец: Сделал уже. И зачем я стол тебя попросил убрать, знал же, что ты все тут расхуяришь!

Миша: У меня пока денег нет. Я вышлю на следующей неделе

Отец: А нам, как бомжам жить? Когда тебе было нужно, я машину продал, которая мне от бати досталась. А ты и недели не продержался. Вот она твоя благодарность. Я поехал, ебитесь как хотите... на свои пенсии.

Мать: Что ты накинулся на него?

Миша: Мам, успокойся, он правду говорит.

Отец: Что говорить, сказал уже все! Толку от тебя здесь все равно не будет.

Миша: Какой толк?! Ты о чем, вообще? Скажи, что мне сделать, я сделаю и поеду?

Отец: А что ты можешь?! ... Оно и понятно...

Миша: Мам, я пойду. Мне ехать нужно. (Целует Мать в щеку) Деньги вышлю, но не раньше следующей недели.

Миша подходит к Отцу и протягивает ему руку. Отец снова закуривает.

Миша: Ты за руку не попрощаешься?

Отец: Что хочешь, то и делай. (Протягивает руку Мише)

Мать: Подожди, у нас же еда еще осталась. И колбасы, вон, сколько не съели, и голубцы еще...

Мать быстро идет в сторону кухни.

Мать: Кто это все теперь есть будет?

Миша: Не нужно. Я пойду просто.

Мать: Я сложила уже, в пакете все.

Отец: Давай стол снимем.

Миша выходит на балкон.

Отец: В комнату давай снимем.

Миша выходит с балкона. Они снимают стол.

Возвращается мать с пакетом в руке, протягивает его Мише.

Миша нехотя забирает пакет, идет к двери, не оборачиваясь. Отец и Мать смотрят ему в спину. Открывается дверь, в комнату снова влетает сквозняк. Дверь закрывается. Становится тихо. Некоторое время никто не говорит.

Мать: Зря ты с ним так. Ему же тоже нелегко. Он от этого сам чуть не умер, а тут Виталик...

Отец: Вот потому они и сопляки, что ты с ними вечно сюсюкаешься.

Мать: Ему и так больно, а ты еще ...

Отец: Все. Надоело одно и то же. Я с ним говорил как мужик с мужиком, без выебонов твоих бабских, а если он по-мужски не понимает, то это не моя проблема.

Мать: Вот ты вечно такой.

Отец: Какой? Нормальный?

Мать: Ты не ходил на эту... как ее... вот же дура старая... когда им говорить все плохое нужно было, что он делал, при всех говорить... называлось оно еще так...

Отец встает, подходит к шкафу. Что-то ищет.

Отец: Ты изоленту такую прозрачную не видела? (пауза) Изоленту, говорю, прозрачную не видела?

Мать: Скотч?

Отец: Прозрачная такая.

Мать: Вот!

Отец поворачивается к ней.

Мать: Ответная реакция, или что-то такое. Когда про него родные и близкие говорят все самое плохое, что он делал, и что они тогда чувствовали. (пауза) А скотч не видела.

Отец: И к чему ты это говоришь?

Мать: Что я ходила, говорю, а ты не ходил... Что... А! Я про то, что есть моменты, не знаю по наркотикам там, или по этой реабилитации ихней, когда нужно говорить все гадкое, а есть моменты, когда лучше ничего такого не говорить. От этого только хуже тогда

Отец: Сопливые потому что... В армии бы быстро от такой хуйни отучился, если бы не хотел все время себя говоном чувствовать. А эту твою бабскую тягомотину я даже слушать не хочу... Как в сериале этом блядском про Фросю.

Мать: Не был и не знаешь, а говоришь.

Отец: И хорошо, что не был. Потому что херня эта для баб и таких вот сынков мамкиных. Иди за изолентой, и стекло это убери! Чем плявзгать о чем не знаешь!

Мать: А ты форму сними эту дурацкую! Нет, вроде, поводов красоваться!

Отец: Заткнись лучше! Без формы за все в два раза больше бы заплатили!

Мать: Плевали все на нее, кроме тебя. А деньги все равно все отдали. Больше чем было, не отдали бы.

Отец: Совсем не осталось?

Мать: Нет.

Отец: И из тех, что приносили?

Мать: А сколько там приносили... Как-будто не знают, сколько сейчас все стоит...

Отец: Водка есть еще?

Мать: Немного осталось

Отец: Принеси. Чего она там стоять будет.

Мать уходит. Отец достает кошелек, пересчитывает деньги. Возвращается мать с бутылкой и рюмками, наливает. Отец хочет выпить сразу и молча.

Мать: Подожди, сказать, что-то нужно. Потому что эти гости, и все что они говорили, это как во сне вообще. Я их и не понимала даже, говорят что-то... А сама сижу и не понимаю.

Отец ставит рюмку на подоконник.

Отец: Говори, если хочется.

Мать: Мне все не верится... не знаю....Все, кажется, глупость какая-то. А ведь всегда ждала, что Виталья или Миша, или в тюрьму сядут, или умрут. Может от того и не верится, что много про это думала. Его нет неделю, и я каждую ночь так думаю, а потом ничего, возвращается.(Пауза) От тюрьмы Бог миловал, так от другого не уберег...

Отец: Да ни от чего его никто не миловал. Жил как в тюрьме, и умер как... Я же верил в него! Он же всегда смысленый был. И машину починить, и музыка их эта... Глупости конечно, детство в жопе, но получалось же, все получалось, только загореться нужно было. Вот и тут так... загорелся...

Мать: Я даже день тот помню, когда мы Виталика ... Ну ты помнишь?... К матери твоей ездили, она еще скандал закатила, что у тебя на майке сзади полоса была не разглаженная, от веревки бельевой.

Отец: Да она просто сказала, что полоска-это ты скандалить начала.

Мать: Да я и правда не разгладила... Мы опаздывали, я спереди только быстро так прошла... А ты помнишь?

Отец: Помню.

Мать: Как Мишу не помню, хотя он и первый был... Хоть тресни не помню

Отец поднимает рюмку.

Мать: А помнишь, как я не хотела? Говорила, что в лесу, что муравьи в меня заползут, все боялась...

Отец: Ты всю жизнь с прибабахом была.

Мать: Может и не зря боялась, видишь, как все вышло...

Отец поднимает рюмку.

Отец: Пусть земля ему будет пухом.

Мать: Господь, упокой его грешную душу.

Отец и Мать выпивают.

Сцена 4.

Миша быстро выходит из подъезда.

Сергей: Бзик!

Сергей пропустил Мишу и теперь пытается его догнать.

Сергей: Бзик!

Миша, понимает, что обращаются к нему, но не замедляет шаг и не оборачивается.

Сергей: Бзик! Привет! Ты не узнал? Или не слышишь уже ничего?... Я это, чего сказать хотел... соболезную, типа... Не мог прийти, работы валом вообще, понимаешь.

Миша: Привет. Спасибо.

Сергей: Че спасибо? Говорю, работы валом, не смог отпроситься.

Миша: Что соболезнуешь.

Сергей: А... Я да... Херня такая не понятно вообще ничего.

Миша: Понятно все. Мертвый.

Сергей: Да я про ситуацию вообще... Никто и не думал, что так... Я ему говорил, что херня полная...

Миша: Все уже.

Сергей: Просто, представляю, как тебе сейчас вообще... Ну, и соболезную...

Миша: Я понял.

Сергей: Ладно тебе, я нормально. У меня с этим порядок.

Миша: У него тоже порядок был.

Сергей: Бзик, не гони, мне ясно пока. Предельная ясность вообще...ты же знаешь, как это ясно бывает.

Миша: Я слепой что ли

Сергей: Я думал, ты просто торчать завязал, а ты, бля, что ли верующий какой-то стал? Как замшелая бабка чешешь. Бу-бу-бу ...

Миша: Запарился немного. Хочется быстрее свалить отсюда, а ты мозги ебешь.

Сергей: Я поддержать хотел...

Миша: (Раздраженно) Я сказал же спасибо уже!

(Пауза.)

Миша: Слышь, ты это без обид давай. Столько всякой херни намешалось, что я вообще не понимаю, что чувствовать.

Сергей: Не понятно, что чувствуешь? Что ты за брат тогда?

Миша: Такой вот. Мне не понятно.

Сергей: Бзик, ты гонишь? Горе, ебануться, что еще можно чувствовать, когда брат вот так. Страшно и горе...

Миша: Страшно или горе?

Сергей: Какая разница вообще, если чувствуешь.

Миша: Ты что чувствуешь?

Сергей: Да хуй знает! Печаль, вообще... Тоска, там, офигенская просто. Мы же с самого детства вместе. И я и Длинный и Веталь... Ты же вроде недавно отчалил, и что не чувствуешь нихера?

Миша: Не парься...

Оба какое-то время молчат. Сергей, судя по всему, ждет, что Миша продолжит говорить. Миша, судя по всему, хочет поскорее уехать.

Сергей: А ты это... Не гони только. ... Марина была?

Миша: Где?

Сергей: Бля, Бзик, просил же не гнать! На похоронах была?

Миша: Нет, не была.

Сергей: А че тогда жопой сразу стал крутить?

Миша: Ты о чем?

Сергей: Спрашиваешь где. Понятно же где.

Миша: Тебе понятно, не мне.

Сергей: А кто такая Марина, чего не спросил?

Миша: Про Марину, я вроде как догадался.

Сергей: А про похороны не догадался?

Миша: Ага.

Сергей: Она тебе звонила?

Миша: С чего бы ей звонить?

Сергей: (перебивает) Не надо только пиздеть мне! Звонила или нет?

Миша: Не звонила.

Сергей: И через Длинного никакой весточки тебе не передавала?

Миша: Нет.

Сергей: А Длинный что говорил?

Миша: Ничего. Что он должен был говорить?

Сергей: А что у меня дела говорил? Что, мол, прийти не могу?

Миша: Говорил, ага. И что соболезнуешь, передавал.

Сергей: А про Марину ничего не

Миша: (перебивает) Не говорил. Поругались?

Сергей: Ушла, наверное. Сообщение прислала, что все, мол, и телефон отключила.

Миша: Думаешь, ушла?

Сергей: Шмотки дома, косметика эта ее тоже.

Миша: Значит вернется. Марина же такая...

Сергей: Какая?

Миша: Ты лучше меня знаешь какая.

Сергей: Блядь?

Миша: Да, нет! В смысле, зависла, может, где-то. Вернется потом.

Сергей: Нахер тогда писать, что все, что не вернется?

Миша: Без понятия. ... Что еще сказать?

Сергей: (с ухмылкой) Скажи, что чувствуешь.

Миша: С хуя ли я должен что-то по этому поводу...

Сергей: (перебивает) Пошутить пытался, обстановку, типа разрядить.

Миша: Ясно.

Сергей: Да ладно... Шучу, что пошутил. Просто ситуация не подходящая вообще. И на тебя и на меня все так навалилось. Много всего, короче, сразу...

Миша: Ты говорил уже. Мне валить пора.

Сергей: Мне Веталь денег заторчал немного. Я ему говорил, что все, мол, что не дам ни хуя. Ну, ты же знаешь, что это, когда денег нет, а тебе мозги рвет. Как бы я не дал, когда были.

Миша: Сколько?

Сергей: Пять сотен.

Миша: У тебя-то откуда пять сотен?!

Сергей: Мы откладывали с Мариной, в Турцию хотели осенью сгонять, море, типа, все включено.

Миша: Хорош. Хер бы ты дал.

Сергей: Он знал, что у меня есть. Просил, чуть не плакал, обещал отдать. Говорил, тема какая-то есть. А сейчас хули? Мне к родакам вашим идти? Или я не знаю, короче... вот, тебе говорю.

Миша: У меня сейчас нет.

Сергей: Бзик, бля, ты меня тоже пойми... Марина куда-то с баблом свинтила, а мне за квартиру платить нечем, жрать еще нужно что-то.

Миша: Я тебе голубцов дам, с поминок остались. Хотя да, нахер тебе голубцы, их же не продашь.

Сергей: При чем тут это? Я же говорю, что у меня нормально все. Работа, там, вся хуйня. Я же не на дозу прошу. Мне, типа, долг забрать. Деньги нужны просто.

Миша: Недели через две деньги будут. Я потом отдам.

Сергей: Бзик, где мне тебя искать потом? Мне за квартиру платить, хозяйка каждый день мозги выносит.

Миша: Ты же говорил, что на Турцию откладывали.

Сергей: Марина со всем остальным свинтила, хули делать. У меня зарплата тоже не скоро.

Миша: Слушай, мне сейчас вообще-вообще не до этих денег. Правда. Ты время такое выбрал, что я тебя и нахуй послать мог бы, но я этого не делаю, понимаешь. И я говорю, что через две недели деньги тебе верну.

Сергей: Заебись ты устроился, Бзик! Что он мне денег должен тебе похуй. Что он умер, тебя не ебет, потому что ты не разобрался еще. Что это за гониво вообще?

Миша: Я что их нарисую, эти деньги? Сказал же, через две недели отдам! Ты так требуешь, будто я у тебя в долг брал.

Сергей: Не ты...Но вы же братья... Не по-человечески это вообще. Это же твоего брата долг.

Миша: А я через две недели отдам. Все пять сотен, просто мечта, да?

Сергей: Долг, просто. Я понимаю, что ситуация и все такое, но у меня тоже, типа, ситуация...

Миша: Да я понял уже.

Сергей: Что понял?

Миша: А о чем мы говорили?

Сергей: О деньгах.

Миша: Ну да, и о деньгах тоже. Через две недели, короче, отдам. Пока тогда.

Миша разворачивается, чтобы уйти.

Сергей: Так, а сегодня что?

Миша: Сегодня все, ничего больше. Рад, что повидались, еще раз спасибо за соболезнования.

Сергей: Бля, Бзик, ну неприятная ситуация. В голове перемешалось все совсем. И Виталик и Марина... И мне трезвому, вообще, никак сегодня. А вариантов никаких, минус ноль в кармане...

Миша: И...?

Сергей: Что, блядь, и? Хуля ты долбоеба из себя корчишь?! Ты сваришь?

Миша: Ты охуел!?

Сергей: Хочешь, чтобы и я сдох? А настроение такое, что натурально сдохнуть хочется. Ты не видишь, или что? Мне сегодня по любому надо.

Миша: У тебя ж нормально все с этим.

Сергей: Нормально. Просто день такой. Все кувырком, понимаешь. Все не так, не по плану короче. Марина ушла, Веталь умер, а я даже с работы этой блядской не смог вырваться. Я без понятия, что там ты чувствуешь, а меня все это добивает вообще, баня просто на куски рвется. Такого не ждешь никогда, это неправильно и несправедливо. И я не знаю что делать, когда так. Мне подумать нужно. Расслабиться и подумать. День такой, что просто все мимо вообще... Ты сваришь?

Миша: Меня дома ждут.

Сергей: Ты это специально сейчас? Чтобы я просил, умолял, там, или что? И без того хуево. Ты же знаешь, что ничем так не попустит. А мне попуститься нужно, пиздец как.

Миша: У тебя все есть, что-ли?

Сергей: У Длинного есть.

Миша: Хули вы тогда сами не варите?

Сергей: Ты ж чистый, тебе, небось, уже и не хочется. Или хочется, вот ты и ломаешься, как целка.

Миша: Мне домой хочется.

Сергей: Да ты ломаешься дольше! Делов-то на пару часов, сваришь и поедешь.

Миша: Пять сотен.

Сергей: Бля, серьезно?!

Миша: Серьезно.

Сергей: Вы там все в барыг превращаетесь?

Миша: Деньги через две недели тогда. Извини, не получится раньше.

Сергей: Бзик, ладно, не дергайся. Хер с этим баблом, типа в память о Ветале, о дружбе нашей...

Миша: Хватит выебываться. Поехали.

Садятся в машину.

Сергей: Нормальная у тебя тачка, вообще. Вам на работе работники не нужны?

Миша молчит.

Сергей: Музла включи только, не депрессового какого-нибудь.

Сцена 5.

(в поезде)

Марина: Домой я не вернулась. Я как на улицу вышла, на меня вообще жесткач напал. Я все думала про Виталика. Жалко, конечно, что херня такая. Много кто из нашей компании попадал в очень конченные ситуации, и со смертью связанные тоже... Но все как то выкарабкивались, выбирались выпутывались. Никого, кажется, даже в тюрьму не посадили. А он в окно выпрыгнул. И это жесть. Она самая. То чего всегда как-то боишься, и что всегда так неожиданно, бац и все, вот она... И тебе просто страшно, что ты или кто-то кого ты знаешь, оказывается в такой жопе, когда уже совсем ничего не поправить. Потом, я как-то подумала про Бзика и про себя... поняла, мне так показалось, свое место и состояние. Мы с ним расстались, ну, с Бзиком, когда он завязал. Там без вариантов вообще было, чтобы встречаться или еще там что такое. У него косяков тогда по этой теме вообще дохера было, и я, если честно, не верила, что он завяжет. Он-то чесал об этом целыми днями... Про свою чистоту, трезвость, высшую силу, херню, короче всякую, которую чешут обычно те, кто вообще не в теме. Мы вместе через столько всего прошли, а потом нам даже поговорить не о чем было. Эта скукота такая страшная была. Как сейчас, или нет?... Не знаю даже, когда мне хуже было... Так что я и не думала потом о нем.... Ага... А с Сергеем как-то само собой получилось... Бзик, он как бы это сказать... В компании он был всегда во втором составе. Типа, из таких друзей, которые всегда приходят с кем-то, ну, их отдельно не зовут. Бзик только на варках самым необходимым был, когда варить научился, а если лайтовая какая тусовка, так его и не вспоминал никто почему-то... Скучный он, что ли, загнанный, зацикленный какой-то. Не как Виталик, короче. Виталик он открытый такой был, смешной, с ним всем прикольно было... Ну и интересы, опять же... у всех они как бы были, в основном музыка, конечно, все талантливые, короче, все на чем-то играют, стихи пишут, музыку... рисуют там.... или еще чего, а Бзик вообще не об этом. Он просто, чувак с закидонами, Бзик, одним словом... Поэтому с Сергеем я легко сошлась. Тусовки, концерты... Когда мы только вместе жить стали, он меня даже ругал, бывало, за то, что я с марафонами жестчу. А потом он меня даже слушать перестал. И я короче думала, думала и мне в голову мысль такая пришла, что это из-за меня, вообще, может... Он же не херачил так раньше. До того, как со мной сошелся, он считай, что и не кайфовал толком, а так... все попробовал, но без проблем как-то, книжки перед сном читал, за прической следил. Ну и с Бзиком та же херня была, когда он со мной был. Я словами и не передам даже, какая на меня жестяга навалилась от таких мыслей. Хрень эту музыкальную я, конечно, заложила, потому что денег у меня совсем не было. Докурила, что было, и на поезд села. Ну и уехала... Как-то непонятно стало зачем оставаться.

Сцена 6.

Мать и отец лежат под одеялом на разложенном диване. Окно заклеено целлофаном. Телевизор включен, но все так же завешен небольшой скатертью. Из-под скатерти бледные вспышки света.

Отец внимательно смотрит, хотя можно просто слушать- изображения не видно совсем. Мать сопит, отвернувшись от Отца.

Отец: Ты спишь?

Мать: Нет.

Отец смотрит дальше.

Мать: Что хотел?

Отец: Ничего. Так просто. Погано как-то.

Мать: Погано.

Отец: Ты отвернулась, а это не этот, не напарник по бизнесу деньги крал.

Мать: Кто тогда?

Отец: Не понятно еще. Но вообще всегда третий кто-то.

Мать: Чего смотришь тогда. Выключай, давай.

Отец: Интересно же кто.

Мать: Ты ж говоришь третий.

Отец: Может, его еще не показывали.

(пауза)

Мать: Я так вообще не засну. Выключай.

Отец: Ну да, он, скорее всего.

Мать: Кто?

Отец: Ты ж не смотрела. Долго объяснять.

Отец выключает телевизор. Садится на кровати, ищет сигареты, закуривает.

Мать: Жутко так одним, да? Как будто холоднее даже в квартире стало.

Отец: Окно разбито, вот и холодно.

Мать: Нет, ну все равно не то.

Отец: Не то... (пауза) ему уехать нужно было.

Мать: Мише?

Отец: Витале. Миша уехал, и бросил вон.

Мать: Бросил, а потом уехал.

Отец: Бросил, потому что уехать захотел. А этот, видишь, так и не перерос... Сюсюкались мы долго.

Мать: Мы же родители ему. Помогали, как могли.

Отец: И я о том же.

Мать: Хватит уже курить. Спать давай.

Отец: Я тут думал... Вспомнил я короче, как мы Мишку того...заделали.

Мать: И как?

Отец: Жили мы уже тут. Я с работы пришли и заделали.

Мать: Так, а что ты вспомнил-то?

Отец: Это и вспомнил.

Мать: Ясно. Так и я помню.

Отец: Осень была и дома сидели. Скучно было или что.

Мать: Думаешь, если б уехал, то бросил бы?

Отец: А чем он хуже.

Отец докурив. Встает и идет выбрасывать окурок. С грохотом цепляется за стол-книгу.

Отец: Блядь!

Отец идет на кухню, не включая свет, откашливается, отхаркивается, сплевывает. Смывает плевки водой. Возвращается в комнату, ложится на диван.

Отец: А ты это серьезно... про «Битву экстрасенсов»?

Мать: Письмо напишу. Пусть бы и приехали.

Отец: Не надо. Я не хочу. Не надо вообще.

Мать: Тебе не интересно? Они же все расскажут.

Отец: А как скажут что, чего не надо... Что мы виноваты, или еще чего...

Мать: Так разве ж мы виноваты? Я же всю жизнь свою им отдала. Все для них всегда делала. Как дети пошли, так я же для себя ни минуты и не пожила.

Отец: А они скажут не подумав. Еще и по телевизору покажут. Стыдно потом перед людьми будет!

Мать: За что?! Что я их больше, чем себя любила?

Отец: Что с тобой говорить! Я к ним не сунусь даже! И про меня чтоб им ни слова, если приедут. В подъезде том пускай крутятся, а в дом я их пускать запрещаю.

Мать: Не жди тогда, что я тебе расскажу, что они скажут.

Отец: По телевизору покажут, если еще приедут.

Пауза.

Мать: Хватит тогда. Давай спать.

Пауза.

Отец: Ты Мише звонила, доехал он уже?

Мать: А что ж ты сам не позвонишь?

Отец: Он может и не поднял бы.

Мать: Нечего себя вести так потому что.

Отец: Хоть так, хоть эдак, все равно уже.

Лежат в кровати молча. Хотя каждому из них понятно, что сегодня они не заснут. А говорить друг с другом не получается. И никогда не получалось.

Сцена 7.

Длинный и Сергей стоят на балконе, курят. Сергей весь в движении, хотя и стоит на месте, он беспрерывно чем-то занят, то чешется, то затыгивается, то протирает глаза, то стряхивает пепел.

Сергей: А кто еще был?

Длинный: Не знаю, все были. Вас только не было.

Сергей: Паливо, конечно... И что там, типа, плакали все, или что?

Длинный: Конченный какой-то вопрос.

Сергей: Бля, скоро он там? А ты?

Длинный: Что я?

Сергей: Плакал?

Длинный: Не особо. Я как-то вообще не по этим делам.

Сергей: Не плачешь никогда?

Длинный: Неа. Бывает так, конечно, что вот-вот... а потом глаза намокнут и ни хера.

Сергей: Та же херня. Меня тоже фиг заставишь. А малой когда был?

Длинный: И малой тоже. Не помню.

Сергей: А что делал, когда херово и все такое?

Длинный: Не помню. Может, музло какое мутное ... «Трансильванию» с радио записывал

Сергей: А совсем малой?

Длинный: Прятался, злился, на знаю... А ты?

Сергей: Совсем малой?

Длинный: Ну.

Сергей: Нихуя не помню, когда малой был. Я че и спрашиваю, думал, может, сам что вспомню.

Длинный: Вспомнил?

Сергей: Он, может, свалил уже? Сколько он еще возиться будет?!

Длинный: Слазь ты уже с измены, быстрее же не будет все равно.

Сергей: Чего ты вообще сам не варишь, если у тебя вся херня есть? Или это офигеть, как сложно.

Длинный: Не особо, вроде, сложно.

Сергей: Чего тогда?

Длинный: Хотел... Потом подумал, что время от времени это одно, а варить это вообще не про меня. Я заторчать не хочу.

Сергей: Ссышь, или что?

Длинный: Выходит, что ссу.. Да.

Сергей: Ты хуже его что-ли? Бзик всю дорогу варил и конченным был, а сейчас ничего, чистый, вон, ходит.

Длинный: Бзик... Бзик, хер его знает, он стремный торч, конечно, но он же во всем такой... Помнишь, как он на марафоне курить бросал? Казалось бы, хули тебе эти сигареты сделают, если ты неделю в газу варишь. А этому стрельнуло-взял, и бросил.

Сергей: Выебистый просто.

Длинный: Какая разница, если ему помогает.

Сергей: Выебистый все равно. Как вспомню, каким он говоном был, аж конь берет! А сегодня к нему подвалил, так он как муха на стекле... Еле уломал.

Длинный: Понятия не имею, что ты ему чесал, но я прифигел немного, что ты с ним приехал.

Сергей: Сам вмазаться хочет, вот он и тут.

Длинный: Вряд ли ... я ему предлагал сегодня.

Сергей: Что?

Длинный: Дудки.

Сергей: А он?

Длинный: Говорит, что не надо. Что чистый совсем.

Сергей: И че думаешь, он так просто пришел...по старой дружбе? Как пить дать вмажется.

Длинный: Чего ты бесишься? Завязал и завязал, что тебе с этого не так?

Сергей: Помнишь, он к тебе приезжал, ну, типа, когда дочка родилась?

Длинный: Ты-то откуда помнишь?

Сергей: Ты говорил.

Длинный: И?

Сергей: Ты же сам говорил, что он стопудово за дозой приезжал.

Длинный: Может, и говорил.

Сергей: Так за дозой, или так просто?

В комнату входит Миша. Он кладет два пакетика на стол, рядом с ноутбуком. Смотрит на Длинного и Сергея.

Длинный: Да, мне как-то похер вообще. Может. Я не помню. Я так-то рад, наверное, что он завязал. Хоть кто-то из нас, понимаешь...

Миша меняет музыку. Длинный и Сергей поворачиваются, тушат окурки, входят в комнату.

Сергей: Бля, перекумарил уже почти, пока ты там возился.

Миша: Бабло не так быстро отработать.

Длинный: Какое бабло?

Сергей: Задрал ты с этим баблом. Все. Добазарились же уже.

Миша: (Длинному) Сказал, что Виталик ему пять сотен торчал. Ты не в курсе?

Сергей берет в руки два пакетика со стола.

Длинный: Бзик, не смотри ты на меня. Я за их дела не в курсе вообще.

Сергей: Это все что-ли?

Миша: А сколько ты хотел, кастрюлю?

Сергей: Бзик, ты гонишь!? Че за херня? Реально больше должно быть!

Длинному не нравится разговор, он отходит подальше, чтобы, по возможности, в нем не участвовать. Садится на диван.

Миша: Тебе же сегодня только надо. Ты же сам говорил. На сегодня здесь хватит.

Сергей: Тебя ебать не должно, когда и сколько мне нужно!

Миша: Не плачь ты, на кухне остальное лежит.

Сергей: (Длинному) Иди, глянь.

Длинный: Хули вы с ума сходите!

Сергей: Иди, глянь, говорю.

Длинный нехотя встает, идет на кухню.

Миша: Короче, разгребайтесь. Вымоете там все. Остальное выбрасывай. Мне ехать нужно.

Возвращается Длинный.

Длинный: Там еще три. Чего ты бычишь?

Сергей: Точно там?

Длинный: (Сергею) Хорош, говорю, как дебил себя ведешь. (Мише) Ты это...если не будешь...едь тогда, сам видишь, херня какая.

Сергей: (Мише) Тогда это забирай.

Миша: Ебанулся?

Сергей: Ты варил-половина твоя. Забирай, хули непонятного.

Миша: Мне на хер не упало!

Сергей: С хуя ли ты варить тогда согласился, если тебе не нужно?

Миша: Ты же дурачок уторченный. Ты бы все равно к родакам моим пошел, кто знает, что у тебя в голове.

Сергей: А может потому, что и сам вмазаться хочешь. К Длинному же заезжал, когда дочка родилась. Там радость, тут горе. Какая разница вообще?

Миши: Я к другу заезжал. Чтобы сказать...

Сергей: Ты это в секте своей расскажи... Ежу понятно, что ты вмазаться хотел.

Длинный: (Сергею) Ты перегибаешь уже! Я вообще не понимаю, чего вы друг на друга гоните!

Сергей: (Длинному) Скажи ему, ты же сам говорил, что он вмазаться хотел!

Миша: И чего тогда не вмазался, раз так хотел?

Длинный: Бзик, нихера я не говорил такого.

Сергей: (Мише) Из-за выебонов твоих вечных! Тебе же постоянно выделиться нужно, не как все чтобы. Особенный до пиздецов просто. Приехал, посмотрел, как ему херово, поиздевался и домой поехал. Ты же всю дорогу такой!

Миша: Да ты в конец уже убитый. Ты мне, блядь, рассказывать будешь, как надо, а сам на похороны не пришел, потому что тормознуть не можешь!

Сергей: От меня Марина ушла и с работы не отпустили, так что нехер пиздеть!

Миша: Спорим, нет у тебя никакой работы? А Марина ушла, потому что ты конченый (Длинному) Он что, не врубается, что у него на лбу написано?

Длинный: Бля, ребзя, хватит меня в свою херню впрягать!

Сергей: (Мише) Забирай и убывай!

Миша: Когда сварить просил, так ты по-другому пел.

Сергей: Вот она вся твоя хуйня! Ясно, блядь, по-другому! Знаешь, что... Ты же и варить научился, чтобы выебнуться! По-другому потому что никак не получалось! Если бы не ты, то никто из нас и не попробовал бы! И Веталь бы сейчас живой был!

Длинный берет один пакетик.

Длинный: Я один возьму и пойду, напрягает меня херня вся эта.

Сергей: Это Бзика! Пусть свое забирает и пиздует отсюда!

Миша берет у Сергея пакетик. Второй забирает со стола.

Сергей: Другое дело, а то святошей заделался, не подойти!

Миша подходит к балконной двери, открывает ее и резким движением выбрасывает оба пакетика с балкона.

Сергей подбегает к Мише и, не думая, бьет его в лицо.

Сергей: Охуеть!

Миша падает, ударяясь головой о стол книгу, лежит неподвижно. Длинный замер и испуганно смотрит на Мишу. Сергей выбегает на балкон.

Сергей: Один вон возле тачки той красной, а второй в траве возле лавки. Сбегай, я пока этого подшаманю.

Длинный: Что за херня?

Сергей: Быстрее давай, не хватало, чтобы еще приняли из-за этого долбоеба.

Длинный подходит к Мише, пинает ногой его ногу. Миша не реагирует.

Длинный: Он живой хоть?

Сергей: Хуля ему станет, я же один раз приложил.

Длинный убегает.

Сергей подходит к Мише, пытается проверить пульс-у него не получается из-за сильной дрожи в руках.

Сергей: Да нормально с ним все.

Сергей проверяет карманы Миши. Обшарив почти все, он достает из заднего кармана такой же пакетик, которые лежали на столе.

Сергей: (небрежно похлопывает Мишу по щеке) Вот это ты красавчик, Бзик. Нахера столько текста только было... Сразу бы сказал... Погодь, сейчас я тебя вылечу...

Сергей идет на кухню, но на полпути возвращается, меняет музыку.

Сергей: Забали со своей чернухой.

Сергей уходит на кухню. Возвращается с наполненным шприцом, хочет уколиться, смотрит на Мишу.

Сергей: Ладно...ладно, попрашайка.

Сергей подходит к Мише, пытается сделать ему инъекцию, долго не может попасть ему в вену из-за дрожи в руках.

Сергей: (наконец-то попав) С такими поварами я скоро и в носу поковыряться не попаду.

Сергей, не дожидаясь реакции Миши, садится на диван. Долго целится.

Сергей: Ты уж извини, дружище...я у тебя отсыпал немного... Типа...ну, знаешь...тебе же много не надо...на чистоту...

Сергей протирает глаза, вытирает пот со лба и с лица, на мгновение, заставив руку не дрожать, вводит иглу себе в вену.

Сергей: Бляя...

Миша открывает глаза, замечает закатанный рукав и кровоподтек на руке.

Миша: Да бляяааа...

Миша поднимается и садится на полу, отрешенно осматривает комнату.

Сергей откинулся на диване, его как-то скрючило, положение тела далеко от удобного. По всем его конечностям время от времени пробегает дрожь.

Сергей: Че-то я залип...

Миша: Родительский дом, начало начал и в жизни моей... Приичендал. Причендалллл. Ллллл, блядь...фух. Сука, причендал. Типа это колыбельная? Да никуя вообще.

Сергей: (перебивает) Потом, Бзик, совсем все потом...

Миша: По сути, нет ничего другого. Виталик показал. Так и есть же вообще. И снова он показал. Я должен был. Да, хуля уже. Начало причал. Причаливаю. Никто не узнает вообще. Шито-крыто короче. Белыми нитками. Алгоритмы.

Миша резко встает, идет на кухню.

Сергей, услышав звук Мишиных шагов, машет руками, отгоняя от себя кого-то.

Сергей: (кричит) Отвали!

Миша: Надо же такое придумать. И не придумать, а разгадать. Алгоритмы, рифмы и вся хуйня. И в этом есть порядок. Надежный причал. Никто не узнает. Это не нужно уже. И что тогда? Как сейчас. Как до этого сейчас. Все, что? Все нормально, ничего не нужно. Жить нужно. А это? А ничего лучше нет. Лучше ничего нет. Но об этом никто не узнает. Никому, ведь, дела нет. Нет и не надо.

Миша поочередно, но без какой-то определенной последовательности, открывает все дверцы шкафчиков на кухне.

Миша: Нужно все исправить. Все исправить. Ничего не было и никто не узнает. Про это даже думать не нужно будет. Потому что я-то все знаю, только я, больше никто ничего не знает. И не узнает. Все.

Миша садится на корточки, пытается открыть шкафчик под раковиной, но дверца упирается ему в колени.

Миша: Виталя все резко понял. Ломать, перечеркивать. Больше ничего, что? Вот сейчас все видно. Алгоритмы. Как в какой-нибудь математике...

Миша на некоторое время замирает, уперев голову в дверцу.

Миша: Как эти формулы, которые бессмысленные, если только на них смотреть. А потом бац, и без этой хуеты бессмысленной, невозможно закон какой-нибудь типа охрененско важный вывести.

Миша отодвигается, открывает шкафчик, находит под раковиной банку с чистящим порошком, высыпает немного ее содержимого на стол, рядом кладет пакетики.

Миша: А от этого закона уже, типа, блажь идет, типа, порядок есть во вселенной, типа, не просто так все.

Сергей рывком подхватывается с дивана, но тут же падает на пол, на четвереньках ползет в угол, садится, уперев голову в колени.

Сергей: Все, нет тебя!

Миша делит на три равные кучки порошок, высыпанный на стол. Аккуратно, досыпает немного чистящего средства в каждый из пакетиков.

Миша: Теперь нужно просто вернуться.

Миша уже расфасовал порошок по всем пакетам. Шарит в карманах. Роемся в волосах. Трет лицо.

Сергей: Здесь комната со мной пропала! А вы поете, не надо петь.

Миша: Просто вернуться. Говорить спокойной ночи, доброго утра, хорошего дня. Нужно выносить мусор и ходить в магазин, и вообще делать что попросят. Остаться дома, положить ее на грудь и пусть бы она смеялась, ковыряла и щипала мне лицо. А я бы говорил. И не важно, что она еще не все понимает. Пусть бы просто лежала, и я бы остался дома. Я бы ничего не хотел и не думал бы об этом вообще. Вот и все. Во всем должен быть порядок. Все, что было сегодня не важно. Я уже не тот, кем я был сегодня. Она бы росла, а я все бы делал для нее- ничего бы для себя не делал. Я бы старался, все время бы старался, и все бы ей отдавал. Я уже не тот. Если бы не он, то я не сделал бы, я бы уже не сделал.

Миша заходит в комнату, шарит по карманам, понимает, что Сергей ввел ему тот порошок, который он припрятал.

Миша: Просто говорить спокойной ночи, что любишь, и все такое. Кому я это думаю. Нужно помнить, нужен порядок. А ничего лучше нет. Все не то. Только так то. Только так. А спокойной ночи, лежать с ней и слышать как она дышит- это не то. Есть время не париться, никто не знает. И не надо никому знать. Я сам. Я хотел, но не так. Он все испортил. Я хотел, так как я хотел. Все правильно происходит. Теперь я знаю, что мне уже не нужно.

Быстро направляется к выходу, в дверях сталкивается с запыхавшимся Длинным.

Длинный: Ты нормально вообще? Я не догоняю что между вами там... Ты извини, если что, типа, не так... У тебя...

Длинный жестом показывает, что у Миши под носом кровь.

Миша: Неа. Я чистый.

Длинный: Ты-то как успел?

Сергей: Должна быть еще одна!

Длинный входит в комнату, пытается проверить пульс.

Миша опускает до сих пор закатанный рукав рубашки.

Длинный: (Сергею) Да ты синий почти.

Сергей все так же сидит в углу, но голова уже не на коленях, и прислонена к стене. Глаза открыты, но реагируют определенно не на то, что происходит в комнате, а на что-то другое.

Длинный: Миша, глянь ты.

Сергей: Меня все сжимает... я сейчас взорвусь...

Миша входит в комнату, трогает руку Сергея.

Миша: Да я не понимаю так.

Миша достает телефон-Длинный одергивает его руку.

Длинный: Ты в скорую, что-ли?

Миша: Бля, а куда?

Длинный: Да с ним постоянно херня такая, последнее время. Это нормальная херня, вообще.

Миша: Он же как баклажан.

Длинный: От этого не умирают. (Идет к окну, открывает его) К утру оклемается, не кипиши.

Миша набирает номер.

Длинный: Вот упоротый! Хоть с домашнего набери, что б тебя не выпалили.

Миша ищет телефон, Длинный тем временем находит на кухне полотенце, смачивает его водой, кладет полотенце Сергею на голову.

Миша: А с домашнего 03 или 103?

Длинный: Все. Нахер скорая, он сейчас оклемается.

Длинный поднимает голову Сергея, ударяет его несколько раз по щекам- он не реагирует.

Миша: (дозвонившись) У человека передозировка. Передозировка. При чем тут мое имя, это не со мной. Ну не молоком же. Перветин. (Длинному) Какой тут адрес?

Длинный: Я откуда знаю.

Миша бежит к окну, смотрит на соседние здания, возвращается к телефону.

Миша: Нестерова 4б, возле стадиона такого.

Миша кладет трубку. Длинный смотрит в окно.

Длинный: И как он туда дойдет?

Миша: Хуяк! Понесли.

Длинный: Бзик, да с ним сто раз уже так было, я же говорю, что с ним нормально все будет. На самом деле, хватит уже выебываться, успокойся.

Миша: Нельзя ничего не делать. Нужно что-то делать. Глобально что-то делать постоянно. Так порядок будет. Так будет надежный причал.

Миша поднимает Сергея.

Миша: Хватай, потащили.

Длинный: Положи ты его, он сам очухается.

Миша: (Длинному) Да что ж ты килун такой?!

Длинный: Идите вы нахуй, придурки, я пальцем не притронусь!

Длинный уходит.

Миша вытаскивает Сергея из квартиры. Некоторое время дверь остается открытой, затем ее закрывает порывом ветра.

Сцена 8.

Письмо Марины Длинному.

Москва прикольная. Она большая. Я первые недели две ходила, даже мыслей своих не слышала...Ага, ни днем, ни ночью. В клуб устроилась официанткой, ночью на работе шумно, днем везде, вообще везде... и в квартире и в такси. И нет такого...вот типа знаю тут одно место тихое...нет там такого места. А клуб мечта просто, я только зашла и сразу в него влюбилась. Я таких клубов не то что не видела, я их не представляла даже. Туда столько людей влазит, жесьь просто. И все в теме, прикинь. Атмосфера такая...Эйфория повсюду, от всех, вообще. Витамины в

таблетках, зато не париться можно, что на работе и что сейчас на неадекват полный сойдешь, хотя там и не заметил бы никто. Все нахлобученные до отказа. Но такие...не знаю...не жестяные короче. Я в первый рабочий день с парой познакомилась, они старые такие, лет по 45 наверное, и в теме. Я как прикинула, сколько они повидали всего, и нормально все у них. Любят друг друга, зарабатывают нормально, ну, видно, что не в сэке одеваются. И такие, знаешь, на позитиве... Я спросила, ну что да как с этим. Сказали, что бывает у них, раз в месяца 2 отрываются... Не могут короче совсем без движухи жить. Тут нормальных людей в клубе, вообще много собирается. И тут нет такого, знаешь, понятия даже нет, через банку там, или пипетку курить- все папиrosят. И кого тут только не было. Я даже с Децелом курила, прикинь... Он реально мелкий, я чуть не заржала, когда его увидела. Мелкий, и дреды эти до жопы, как кукла какая-то нелепая. Я про то, короче, что у меня тут нормально все. И короче не нужно бояться никогда. Про то, что стрем и жестяга, они пройдут, а потом все как надо валить начнет. Рано или поздно, но начнет. Обязательно начнет.

(Часть текста зачеркнута)

Ты, короче, если в Москве будешь, то дай знать. Одному тут херово, лучше, когда встречает кто-нибудь.

Сцена 9

Миша: Сейчас я действительно в таком состоянии... Да, меня зовут Миша, и я наркоман. Но я все еще хочу говорить... И если кто-то хочет записывать... Потому что я все сейчас буду рассказывать... Про свою болезнь и вообще... Я тут не обману никого. Так ведь не выйдет, поэтому смысла врать нет.

(Пауза)

Миша: Раньше, когда я начинал выступление, я всегда, как-то машинально, отыскивал глазами человека, у которого чистых дней меньше. Простая математика, чтобы почувствовать себя хорошо... Не то, чтобы хорошо, вот, совсем чтобы... а лучше чем кто-то. Сейчас вот не знаю, куда глаза деть. И вроде шел такой сюда, все продумал, как бы о чем говорить буду и какими словами. А сейчас не знаю. Стою, и нет во мне тех чувств, что ли, которые я раньше испытывал, выступая на группе. Нет, я и тогда волновался сильно, но волновался иначе. Я волновался о том, как бы внятней и забористей рассказать об опыте своего выздоровления. Сегодня я буду говорить о другом. Поэтому мне тяжело. Тяжело не сорваться в осуждение и ненависть к себе, не расплакаться ... и все такое.

В книге сказано, что наркотики-это вещества, которые изменяют сознание, настроение и прочее. Вот чистота. Я сейчас, наверное, что-то странное буду говорить, да... Принятие, служение, Высшая Сила, и все такое. И меня все так проперло поначалу. Мое сознание это изменило и я, поскольку я такой, смог заторчать и на этом. Меня перло то, что я делаю, поэтому я не останавливался. Перло все. С каких-то самых первых моментов там, да... Вкус, запах чего-то там, прогулка... Все потихоньку возвращалось, и я в ахуе был от этого. В этом для меня был приход. Я серьезно. В этом

моя проблема. Я не могу остановиться, мне нужно больше и больше, больше и больше... Чая, так чая, чистоты, так чистоты. Вот работа- вот меня повысили, вот у меня машина, вот отношения- вот у меня ребенок. И от всего я жду такого прихода, да... Вы понимаете же. Жду прихода. И вот я этого нахапался. По жизни, кроме хорошего, стало случаться еще и плохое... И как-то все... Я не то чтобы к этому осознанно как-то шел, хотя и рассказывал, что чуть не сорвался было, но тогда я кайфанул от того, что не сорвался. И как-то подумал так, что все, что проскочил. Особенный же, оно и понятно... Сорвался я в миг просто. Я, конечно, попал там... в ситуацию... но винить, кроме себя, абсолютно некого. В срыв меня привела болезнь, а не обстоятельства. Я просто хочу сказать, что... Я, вот, не ходил на группу какое-то время. Сначала я употреблял месяца полтора или два, наверное. Слилась машина, какие-то деньги. Какое-то время я еще пытался ходить на работу, делать там вид, что все нормально вообще. Но долго это тоже не прокатило. Слилась работа. Я этого всего почти не помню даже. Могу так смутно совсем восстановить, что вот я где-то с какими-то людьми, движ этот весь нездоровый. Потом как-то вштырило так, что это не прет же уже. Оно же радостно, только когда денег достал и идешь. Тогда, конечно, ни о чем другом даже не думаешь. Ни о дочке, ни о жене, которая, может, уже вещи собрала, и куда-нибудь уехала. А сразу, как вмажешься, то только и мыслей, какое я говно и ничтожество вообще. Я не знаю, когда со мной все не так на группе пошло. Я старался, ведь, делал все как надо...ну, как мог. Может, я как-то недостаточно принял себя, да...прошрое, там, свое...Может, сыграло роль то, что я как-то недопростил родителей... Я вот, на собраниях не говорил никогда про это. Но мои родители даже не в курсе были, что у меня ребенок. Мне не хотелось их впускать в это. В мое. Им жена сказала, потом уже когда я в срыве был. И что у меня есть жена, они тоже от нее узнали. А так я не знаю даже, за что жена с дочерью жили это время, что они ели, и ели ли вообще.

(пауза)

Тут вообще можно много говорить. Очень много о том, какой я больной, сумасшедший и ничтожный. Поэтому я перескочу немного. Да? Потому что здесь каждый знает, что такое употребление и потеря контроля над происходящим ... Вот, момент, когда я понял, что не могу больше так... Что ничего уже не прет и не понятно, вообще, что делать. Я на какой-то хате в себя пришел. Джинсы сваливаются, дырок уже на ремне таких нет, чтобы затянуть... Духота, страх, отчаяние и прямо трясет от этой духоты. Сил вообще никаких. Я не спал там, не знаю... по ощущениям, месяц, наверное. Зубы снова полетели. Физически, как-то переломаться получилось легче, чем раньше, настолько мне херово уже в употреблении было. А может еще и от того, типа, когда знаешь, чего ждать, оно не так стремно, как-то. Но как только немного в себя стал приходить, тут вообще такой пиздец настал. Мне стало таак страшно... Так страшно. Тут все навалилось. И отчаяние, и осознание того, что с братом произошло, и осознание того, что это последний шанс мой был. Все, что? Теперь я пробовал лечиться всеми существующими способами. Группа была последней попыткой, и эту попытку я просрал. Я лежу, подыхаю, просто от страха, а где-то за стеной, ползает по полу моя дочь, а я даже не знал, что она уже ползать начала. И я лежу, такой, молюсь, чтобы только она ничего не запомнила такого, чтобы не отложилось у нее ничего. И что теперь, думаю. Вот, переломался я и что дальше? Меня уже не прет наркота, и уже не пропрет чистота, так как в первый раз. Не будет этого неожиданного терапевтического, блядь, эффекта. Да... Я могу все это повторить по новой. А потом что? Я снова сорвусь, потом снова повторю. До срыва меня окрыляло ощущение того, что я от чего-то избавился. Если не от мыслей о себе и своей болезни, то хотя бы... (пауза) Нифига, короче, такого. Я болен. Больнее некуда. Мне страшно. Страшно жить, страшно умирать, страшно за дочь, страшно узнать, сколько у меня долгов. Способов оставаться чистым у меня больше не осталось. И

я как-то понял так, что здоровым я уже никогда не буду. То, что я не понимал этого раньше, не понимал этого до конца... Наверное это все и перевернуло, и отбросило меня назад... Я надеялся, излечиться. Я хотел какого-то волшебства, да... Прихода... А теперь я понимаю, что я за свою жизнь наворотил столько с собой, что никакого волшебства уже не будет. Все, что мне остается- быть чистым сегодня. И только шаг за раз. Я раньше не понимал... ну не видел в этом столько смысла, сколько вижу в этом сейчас. Я снова пришел за помощью сюда. Потому что мне нужна помощь, мне нужен кто-то, кто понимает, о чем я говорю, и слышит то, что я говорю. Мне никто и ничто больше не поможет жить, осознавая, кто я на самом деле такой, и чего я стою. А жить мне хочется. И для себя. И для того, чтобы дать своей дочери.... Мммм Не уверен...уже не уверен... что я могу ей что-то дать. Это еще одна попытка уцепиться за жизнь... За что-то важное, что всегда как-то мимо, вообще. Жутко хочется не умирать сейчас... Наверное, все. Я надеюсь, что кому-то из вас стало легче, или станет, потом.

Со мной сегодня пришел еще один человек. Он сейчас сам все про себя расскажет. А меня зовут Миша, и я наркоман. Восемнадцать дней чистоты. Спасибо.

Сцена 10.

Письмо Длинного.

Марина, привет. Рад, что у тебя все хорошо. На самом деле я ручкой писать вообще разучился. Пишу медленно и то, о чем думаю, намного быстрее, чем ручка. Поэтому, о чем говорить не знаю. Как-то все путается. Послушал треки, что ты в контакте сбрасывала. По-моему прикольно. И письма от руки писать ты прикольно придумала. Так уже и не пишет, наверное, никто, может, полярники только какие-нибудь. Тут, как ты уехала, вообще много всякой фигни случилось. Ты же была еще, когда Виталик? Все как сума походили. Но об этом в письме так и не расскажешь. Как будто лопнуло. Ну, или делось куда-то то место, где мы все были. Я об этом что-то много думаю теперь. О том, о чем мы не говорили никогда, ну, раньше не говорили, не знаю почему, а сейчас не говорим, потому что у каждого свое, и всем это неприятно. Вот я раньше думал, что есть у этого предел. Хорошо помню, как раньше думал, что все что я делаю, приведет меня к какой-то точке...к ступеньке что-ли... И я сделаюсь кем-нибудь... не знаю даже. Влюблюсь до усрачки, или уеду жить смотрителем какого-нибудь маяка, или займусь лепкой из глины и нехило двину эту их тему с лепкой. Все дорогой представлялось раньше. Пускай и не единственной, но определенно той, которую я сам выбрал. Я вообще только недавно вспомнил, что так думал. И вот когда все это? Когда маяк? Когда глина? Или еще что... Кажется, что скоро вообще ничего не будет...Как в какой-нибудь грустной песне... Я не знаю, что еще. Ты если будешь дома, ну, в смысле, здесь, то тоже дай знать. А я, если в Москве буду, я тебе тоже скажу, в контакте там, или ты телефон свой оставишь. Не знаю только, зачем я там могу оказаться. Пока.

PS: (часть текста зачеркнута) Ай. Ладно, пока.

2016 г.

Алексей Makeйчик

+375 44 751 84 48

makeichik@gmail.com

